

**ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ РЫНОК:
МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ БАЗАРА
В НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ МОСКВЕ**

Олеся Дмитриевна Меркулова

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия

oerkuulova@eu.spb.ru

Аннотация: Классическая дихотомия городских исследований — противостояние жителей / локальных активистов и властей / капитала в борьбе за городские территории. При таком подходе могут быть потеряны значимые элементы производства пространства — практики, репрезентации, инструменты участия, стейкхолдеры с другими интересами и т.д. В статье предпринята попытка преодолеть сложившуюся дихотомию на материале городского конфликта вокруг Преображенского рынка (Москва), сохраняющегося в условиях реконструкции и джентрификации рыночных пространств последние десять лет. Исследуя механизм сохранения рынка в городском пространстве, автор опирается на стратегическую интеракционную перспективу (SIP), в которой конфликт рассматривается как сложное взаимодействие разных игроков, цели, стратегии и ходы которых нужно прояснить. В статье делается акцент на специфике Преображенского рынка как базара (с опорой на концепцию Клиффорда Гирца). Показано, что сохранение рынка обеспечивается сложной конфигурацией отношений между заинтересованными в его территории игроками — городскими властями, старообрядцами (рынок находится на месте бывшего старообрядческого монастыря), локальными и политическими активистами, легальными и нелегальными предпринимателями, а также спецификой базара, которая влияет на стратегии всех игроков.

Ключевые слова: стратегическая интеракционная перспектива, производство пространства, джентрификация, базар, локальные активисты.

Для ссылок: Меркулова О. Преображенский рынок: механизм сохранения базара в нелиберальной Москве // Антропологический форум. 2024. № 63. С. 124–156.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-63-124-156

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/063/merkuulova.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2024, NO. 63

**THE PREOBRAZHENSKEY MARKET:
A MECHANISM FOR PRESERVING THE BAZAAR IN NEOLIBERAL MOSCOW**

Olesya Merkulova

European University at St Petersburg

6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia

oerkuulova@eu.spb.ru

Abstract: The classic dichotomy of urban studies is the confrontation between residents / local activists and authorities / capital in the struggle for urban areas. But under this approach many elements of production of space such as practices, representations, tools of participation in urban management, and stakeholders with other interests can be lost. The article attempts to overcome this dichotomy through analysis of the urban conflict around the Preobrazhensky Market (Moscow), which has been preserved in the conditions of the reconstruction and gentrification of marketplaces for the last ten years. The author draws on the Strategic Interactive Perspective (SIP), which considers conflict as a complex interaction of different players whose goals, strategies and moves need to be untangled. The article focuses on the specificity of the Preobrazhensky Market as a bazaar (relying on Clifford Geertz's concept). It is shown that the preservation of the market is ensured by a complex configuration of relations between the players with an interest in the marketplace — the authorities, the Old Believers (the market is located on the territory of a former Old Believer monastery), local and political activists, legal and illegal entrepreneurs, as well as the specificity of the bazaar influencing the strategies of all players.

Keywords: strategic interactive perspective, space production, gentrification, a bazaar, local activists.

To cite: Merkulova O., 'Preobrazhenskiy ryonok: mekhanizm sokhraneniya bazara v neoliberalnoy Moskve' [The Preobrazhensky Market: A Mechanism for Preserving the Bazaar in Neoliberal Moscow], *Antropologicheskij forum*, 2024, no. 63, pp. 124–156.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-63-124-156

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/063/merkuulova.pdf>

Олеся Меркулова

Преображенский рынок: механизм сохранения базара в неолиберальной Москве

Классическая дихотомия городских исследований — противостояние жителей / локальных активистов и властей / капитала в борьбе за городские территории. При таком подходе могут быть потеряны значимые элементы производства пространства — практики, репрезентации, инструменты участия, стейкхолдеры с другими интересами и т.д. В статье предпринята попытка преодолеть сложившуюся дихотомию на материале городского конфликта вокруг Преображенского рынка (Москва), сохраняющегося в условиях реконструкции и джентрификации рыночных пространств последние десять лет. Исследуя механизм сохранения рынка в городском пространстве, автор опирается на стратегическую интеракционную перспективу (SIP), в которой конфликт рассматривается как сложное взаимодействие разных игроков, цели, стратегии и ходы которых нужно прояснить. В статье делается акцент на специфике Преображенского рынка как базара (с опорой на концепцию Клиффорда Гирца). Показано, что сохранение рынка обеспечивается сложной конфигурацией отношений между заинтересованными в его территории игроками — городскими властями, старообрядцами (рынок находится на месте бывшего старообрядческого монастыря), локальными и политическими активистами, легальными и нелегальными предпринимателями, а также спецификой базара, которая влияет на стратегии всех игроков.

Ключевые слова: стратегическая интеракционная перспектива, производство пространства, джентрификация, базар, локальные активисты.

Введение

Преображенский рынок — старейший сельскохозяйственный рынок Москвы, созданный в 1932 г. во дворе разрушенного старообрядческого монастыря, один из трех оставшихся в собственности города рынков. Впервые я попала сюда в 2019 г., прочитав в «Афише» статью про «самый дешевый и старый рынок Москвы». Шатровые башни, толпы людей в павильонах и рядах, веселая праздничная атмосфера, разговоры, сливающиеся в общий гул, запахи, цвета и действительно низкие цены, особенно по меркам Москвы, — все это напомнило мне знакомые с детства базары юга России, откуда я родом. Когда я училась урбанистике в Высшей школе экономики и мы работали над градостроительными проектами в районе Преображенское, мой однокурсник запустил в социальной сети опрос для жителей района о желаемых городских изменениях. Несколько вопросов касались Преображенского рынка и вызвали огромный скандал. Самое мягкое, что мы услышали в свой адрес, — «Руки прочь от нашего рынка!»

Олеся Дмитриевна Меркулова

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
omerkulova@eu.spb.ru

Оказалось, что местные жители очень боятся потерять рынок в том виде, в котором он существует, опасаются его *джентрификации* или даже сноса. Их страхи не беспочвенны: с приходом Сергея Собянина за четырнадцать лет московская мэрия приватизировала 17 из 20 сельскохозяйственных рынков. Еще два — Рижский и Люблинский — планируют приватизировать в ближайшие годы. Почти все приватизированные рынки были реконструированы и превратились в фудкорты с дорогими продуктами. Главным примером стал Даниловский рынок, который первым в Москве пережил джентрификацию, принесшую на московские сельскохозяйственные рынки высокие цены, новых покупателей и продавцов, как и *новый тип потребления*, отличающийся от *базарного*. Страх потерять Преображенский рынок периодически актуализируется. Последний раз это произошло в 2017 г., когда жители района заметили, что на кадастровой карте назначение земельного участка рынка изменилось с торговли на многоэтажную застройку, устроили протесты и заставили чиновников вернуть старое назначение участка.

Кроме того, территория рынка — предмет судебного спора между московскими властями, предпринимателями и старообрядцами. Эта ситуация связана с двойственным статусом Преображенского рынка. С одной стороны, его территория находится в собственности мэрии Москвы (которая может ею распоряжаться, в том числе продать или отдать под застройку), однако на нее претендуют другие игроки и влияют экономические и политические процессы, связанные с использованием городского пространства. С другой стороны, Преображенский рынок — предприятие с собственной специфической социальной жизнью, разнообразными отношениями между жителями и продавцами, своей мифологией, что существенно влияет на его сохранение, как я продемонстрирую далее. Кейс Преображенского рынка интересен не только эмпирически (почему он продолжает существовать в неизменном виде, тогда как аналогичные московские рынки попали под приватизацию, реконструкцию и джентрификацию?), но и теоретически (какие социальные и политические процессы предохраняют его от этих изменений?). Моя цель — показать, что рынок удерживается благодаря сложной сети социальных отношений, имеющих разные пространственные и временные масштабы, от межличностных знакомств на самом рынке до политики московской мэрии в периоды, когда ее возглавляли Лужков и Собянин, и религиозного возрождения в 1990-х.

Как правило, конфликты за городские территории рассматриваются с позиции борьбы власти / бизнеса как сильного стратега с доминирующим дискурсом и правом на репрезентацию городского пространства и граждан как «слабых голосов» с огра-

ническим набором тактик сопротивления [de Certeau 1984; Andres et al. 2020]. Однако борьба за Преображенский рынок и его сохранение гораздо сложнее, а набор вовлеченных в нее акторов, мотиваций и совершаемых действий разнообразнее. Безусловно, московская мэрия выступает сильным игроком, но даже она меняла свои решения под давлением обстоятельств. Конфигурацию отношений вокруг Преображенского рынка я буду рассматривать, опираясь на теорию стратегической интеракционной перспективы (SIP), которая за последние двадцать лет стала важным инструментом для анализа социальных движений [Jasper 2011] и которую в последние годы начали использовать в городских исследованиях [Jabola-Carolus et al. 2020]. О специфике этого подхода пойдет речь ниже, здесь же я обозначу три причины, по которым использую его в анализе.

Во-первых, SIP позволяет уйти от размытых понятий *движения* и *власти* и работать с *игроками* (конкретными лицами или группами, участвующими в конфликте, их мотивацией и арсеналом действий) и *аренами* (площадками, на которых эти действия совершаются). При этом арены — не столько места (хотя могут быть и ими, например суды), сколько ограниченные правилами и порядком действия социальные микромиры. Исследователь должен найти и определить игроков и арены, на которых они действуют.

Во-вторых, понятие стратегической интеракции в SIP предполагает фокус на взаимодействии между игроками как движущей силе развития конфликта и социальных изменений, который он приносит (включая влияние макросил). Теория SIP стала ответом на ограничения, с одной стороны, структуралистского подхода, при котором порядок действий, соотношение сил, а часто и результат оказываются предзаданы социальной структурой, а с другой — подхода символического интеракционизма, когда акторы действуют только на микроуровне, а происходящее на макроуровне в расчет не принимается. SIP исследует конфликт как социальный процесс, и темпоральность — одна из его характеристик, когда решения игроков и баланс сил зависят от предыдущих раундов конфликта.

В-третьих, SIP предполагает, что конфликт опосредован не только социальными условиями, но и культурными смыслами и не исключает из анализа идентичности, дискурсы, моральные эмоции. При этом игроки далеко не всегда действуют в качестве рациональных агентов, как в теории игр. Это одна из причин, почему в антропологическом исследовании уместен подход SIP, который отводит значимую роль пространству культуры, видя в ней не только ресурс для стратегических действий, но и основания для конфликта. В этом контексте исследовательский

вопрос статьи может быть поставлен так: какова конфигурация ходов игроков на аренах, которая обеспечивает сохранение Преображенского рынка?

Для меня важны два исследовательских контекста — касающиеся городских конфликтов и базаров и городских рынков. В обзорной части представлены оба эти поля, причем основное внимание уделено изучению городского пространства. Я также рассматриваю исследования базара, поскольку его социальная и культурная специфика влияла на то, как разворачивался конфликт вокруг Преображенского рынка.

Эмпирическими источниками стали данные этнографических наблюдений на Преображенском рынке, проводившихся с осени 2020 до весны 2021 г. (с фокусом на особенностях коммуникации, физическом пространстве рынка, информации о продавцах и покупателях), материалы интервью-прогулок с покупателями и десяти полуструктурированных интервью с представителями игроков, вовлеченных в конфликт вокруг Преображенского рынка, а также связанные с ним документы и материалы СМИ.

Преображенский рынок как базар в неолиберальном городе

Базар — сложная категория. С одной стороны, это эмный термин, которым информанты определяли Преображенский рынок: «Более такая базарная атмосфера» (Сергей¹, 84 года). С другой — это этный термин, используемый в антропологии и экономике и постоянно становящийся предметом дискуссий [Fanselow 1990; Humphrey, Skvirskaja 2024]. Одна из ключевых концептуализаций базарной экономики принадлежит Клиффорду Гирцу, который рассматривал базар как антипод совершенного рынка и писал, что «на базаре экономическая информация скудна, недостаточна, плохо распределена, передается неэффективно и ценится очень высоко» [Гирц 2009: 56]. Чтобы справиться со скудностью информации и снизить издержки поиска, покупатели стремятся совершать сделки с одними и теми же продавцами, а продавцы зависят от постоянных покупателей. «Клиентские отношения [на базаре], — говорит Гирц, — являются сферой реципрокных связей» [Там же: 58]. Реципрокные связи — структурный элемент базара как экономической организации (не единственный, но самый значимый для его социальной жизни и для моего исследования). Гирц открыл дорогу исследованиям базаров, но при этом сделал базар экзотическим явлением, приписав его свойства только восточным доиндустриальным торговым пространствам.

¹ Имя изменено, об анонимизации информантов см. ниже.

Однако другие исследователи находили черты базара, в том числе реципрокные связи, у публичных городских, фермерских, блошиных рынков в Европе и США и развивали понимание их экономического и социального устройства. На таких рынках обнаруживается возможность «социальных встреч с другими» [Anderson 2004: 17], пространство равного общения, не опосредованного социальным статусом [De La Pradelle 1995: 365], инклюзивное пространство: городские рынки кормят самых бедных горожан [González, Dawson 2015: 2], а продавцы берут на себя заботу о покупателях, в том числе о пожилых и людях с ограниченными возможностями [Watson 2009: 1583]. Такие рынки тяготеют к неформальным отношениям и часто становятся механизмами социальной мобильности для тех, кто лишен доступа к рынку труда [Öz, Eder 2012: 298], например мигрантов [Hiebert et al. 2015: 5], и выражают их культуры через многообразие языков и диалектов [Mele et al. 2015], культуру еды [Black 2012: 95] и этническую товарную специализацию [Rivlin, González 2018: 131]. В качестве базаров изучают и постсоветские рынки в странах СНГ и бывшего социалистического блока [Hüwelmeier 2013; Григоричев и др. 2019; Karrar, Rudaz 2022]. Все эти исследования указывают, что не существует канонического, застывшего, тем более восточного «базара» — торговые пространства вписаны в разнообразные социальные, экономические и пространственные контексты. При этом *базар* остается продуктивной категорией, если иметь в виду специфические экономические и социальные практики [Humphrey, Skvirskaja 2024]. В этом исследовании для меня важны реципрокные связи между продавцами и покупателями как структурный элемент базара.

Из-за двойного статуса Преображенского рынка (как места социальной жизни базара и как части общегородской территории) его существование напрямую связано с политикой в отношении городского пространства. Постиндустриальная трансформация городов утвердила неолиберальную городскую модель развития, изменившую все сферы городской жизни, в том числе пространство, предназначенное для «эффективного использования» [Brenner, Theodore 2002: 371] и, следовательно, для приватизации и коммерциализации [Degen 2008; Bodnar 2015]. Последние ставят под вопрос доступность городского пространства для всех жителей [Akkar 2005: 76]. Эти процессы затронули и городские рынки, по всему миру многие из них переживают приватизацию и реконструкцию [González 2020: 877], что приводит к *джентрификации* рыночной торговли — переориентации на более обеспеченных посетителей и утрате прежней социальной жизни этого городского пространства [González, Dawson 2015: 19]. В этом контексте неджентрифицированные рынки могут

приобретать новый смысл «коррекции» крайностей неоллиберального урбанизма, как показывают Меле и его соавторы в исследовании «мокрых» рынков в Сингапуре (традиционные продуктовые рынки в Азии): «Коллективная привязанность горожан к продуктовым рынкам (*wet markets*) как социальным пространствам подкрепляется этой исключительностью, рынки сопротивляются тенденции, при которой общественные пространства становятся все более и более опосредованными, регулируемыми, коммерциализированными» [Mele et al. 2015: 105]. Угроза исчезновения таких рынков может стать источником политической мобилизации в борьбе за право на город [González 2020: 880].

В постсоциалистических странах схожие процессы приватизации городского пространства и джентрификации рынков имеют культурно-историческую специфику. После распада СССР начался бум мелкой низовой торговли, и городское пространство превратилось в открытые рынки, которые со временем стали ассоциироваться с хаосом и кризисом государственности 1990-х гг. В нулевые годы во многих постсоветских странах формировались новые политические режимы, лидеры которых спешили избавиться от наследия девяностых, и городские рынки и уличная торговля стали частью этой политики и дискурса. В 2013 г. в Казахстане после призыва к торговцам «перейти на более цивилизованный путь» последовало ужесточение законов о торговле [Karrar 2019: 272]. В Грузии после прихода к власти Саакашвили и взятия курса на сближение с Европой была запрещена уличная торговля на центральных и туристических улицах [Fehlings 2022: 187]. В России многие уличные рынки снесли, и на их место пришли торговые центры [Желнина 2011]. Риторическим оправданием реорганизации городского пространства часто становится дискурс о криминальной экономике городских рынков [Дятлов 2014: 111].

Теоретическая рамка исследования: игроки на аренах в борьбе за городское пространство

В антропологических исследованиях пространство обычно понимается как «производство и локализация — физически, исторически, эмоционально и дискурсивно — социальных отношений, институтов, репрезентаций и практик» [Low 2016: 7]. Поэтому диапазон сюжетов городских исследований широк: мобилизация и протест в городских социальных движениях, локальные идентичности [Castells 1983; Pickvance 2003; Uitermark et al. 2012], городские сообщества и локальные социальные связи [Dalby, Mackenzie 1997; Nicholls 2009], пространственные практики [Stillerman 2006]. На другом полюсе

городских исследований — пространственная организация власти и капитала, которая проявляется в дискурсах рационального планирования, оправдывающих изменения в городском ландшафте [Mele 2000], в джентрификации районов, вытесняющей бедных жителей [Atkinson 2000], в политических городских режимах, подчиняющих производство пространства [Klink 2013], и т.д.

Как правило, исследования, связанные с производством городского пространства и городскими конфликтами, фокусируются на одной из участвующих в них сторон, тогда как другие акторы, структуры, феномены остаются фоном и не анализируются. Чтобы включить в анализ городских конфликтов сложный симбиоз разных игроков, целей, доступных инструментов и идеологий, Анна Желнина и Елена Тыканова предлагают использовать стратегическую интеракционную перспективу — SIP [Желнина, Тыканова 2019: 166]. SIP стала мощным теоретическим ресурсом в исследованиях социальных и политических движений, избавив их от логики структурно заданных интересов игроков на политических аренах [Polletta, Jasper 2001]. Она чувствительна как к моральным основаниям и эмоциям протестов [Jasper 2011], так и к инструментам для реализации целей каждого из игроков, их выгод и компромиссов, на которые игрокам приходится идти в процессе взаимодействия друг с другом [Jabola-Carolus et al. 2020].

Используя концепцию SIP для анализа городского конфликта вокруг Преображенского рынка, я описываю участников этого конфликта как *игроков* — тех, «кто участвует в стратегических действиях с определенной целью» [Jasper, Duyvendak 2015: 10]. Игроками могут быть как отдельные люди, так и формальные и неформальные организации. Те и другие совершают действия на аренах. *Арена* — это «набор правил и ресурсов, которые позволяют или поощряют определенные виды взаимодействия, когда что-то поставлено на карту» [Ibid.: 14]. Арены могут быть формальными и неформальными — от публичных слушаний в случае с градостроительными решениями до «закрытых кабинетов». Игроки могут переходить с одной арены на другую в зависимости от своих целей и ресурсов. Они наблюдают друг за другом, занимаясь в том числе предугадыванием ходов друг друга, действуя на опережение, решая дилеммы и соглашаясь на компромиссы. Арены социально сконструированы и содержат прошлые решения, победы, проигрыши и компромиссы игроков. SIP рассматривает конфликт как динамический процесс, поэтому его результаты могут быть промежуточными и меняться в следующем раунде ходов. Ситуация может трансформироваться в ходе конфликта, меняя как самих игроков, их цели и стратегии взаимодействия, так и арены, на которых они

взаимодействуют. В рассматриваемом мною случае SIP позволяет включить в исследование сложные конфигурации игроков и их зависимость от результатов (прошлых и будущих) и друг от друга, а также менять пространственный (город, район, рынок) и временной (дореволюционная история места) масштабы, чтобы показать сохранение Преображенского рынка как запутанный длящийся процесс.

Я выявила шесть игроков и четыре арены, на которых они действуют, и взяла десять полуструктурированных интервью с представителями игроков:

1. *Власти*. Саид Решидов — директор Преображенского рынка, Алексей Донченко — директор ГУП «М. Прогресс» (в ГУП входит рынок).

2. *Старообрядцы*. Максим Пашинин — глава «Совета православных церковных приходов Преображенского монастыря», Михаил Шахов — член «Совета православных церковных приходов Преображенского монастыря».

3. *Локальные активисты*¹. Карина, Оксана, Марина (район Преображенское).

4. *Политические активисты*. Михаил Тимонов² — депутат Мосгордумы VII созыва округа № 16 (Богородское, Преображенское, часть района Соколиная гора), Илья Бер³ — муниципальный депутат района Преображенское в 2017–2022 гг.

5. *Крупные бизнес-структуры*. Максим Попов — бывший директор Даниловского рынка, который занимался его реконструкцией в 2011–2015 гг.

6. *Предприниматели «с рынка»*. Геннадий Медведев — самый необычный игрок, владевший павильоном и ломбардом на рынке и несколько лет пытавшийся получить территории старообрядческого монастыря, на которых расположен рынок. Медведев парадоксальным образом повлиял на сохранение Преображенского рынка. Я реконструировала его ходы, проанализировав его судебные иски в качестве ответчика и истца в спорах между его компаниями, структурами мэрии Москвы и старообрядческими организациями. Провести интервью с Медведевым не удалось, поскольку он больше не работает на рынке, его павильон снесен как незаконное строение, а его местонахождение неизвестно.

¹ Я разделяю локальных и политических активистов, потому что у них разные цели и способы действовать.

² Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

³ Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

Часть игроков в исследовании не анонимны, прежде всего потому, что они действовали публично, а документы, связанные с их действиями, есть в открытом доступе. Имена остальных информантов, в том числе локальных активистов, изменены.

Я выявила и сформулировала четыре типа арен, на которых действуют игроки:

1. *Бюрократические.* Все законодательные нормы и связанные с ними исполнительные институты — суды, формы подачи официальных жалоб граждан в различные ведомства, публичные документы и т.д.
2. *Политические.* Избирательная система и связанная с ней политическая борьба за голоса избирателей.
3. *Экономические.* Рынки в классическом экономическом смысле, где договариваются об экономической эффективности городского пространства и совершаются сделки.
4. *Неформальные.* Структуры, связанные как с незаконной деятельностью, коррупционными и криминальными связями, так и с неформальными договоренностями в юридически закрепленных сделках.

У каждого игрока есть причины быть вовлеченным в конфликт вокруг Преображенского рынка. Эти причины связаны не только с самим рынком, но и со способом производства городского пространства, свойственным конкретным игрокам и определяющим их цели, стратегии и выбор арен, на которых они предпочитают или вынуждены взаимодействовать с другими. Игроки также имеют дело со специфической социальной организацией Преображенского рынка. При этом на исход конфликта (точнее множества конфликтов) влияют не только ходы игроков на аренах, но и само устройство рынка, которое заставляет игроков действовать тем или иным образом.

Этнография Преображенского рынка: пространство реципрокных связей

Базовые пространственные и экономические единицы на Преображенском рынке — лотки и прилавки площадью 4 кв. м, их больше всего — 325 мест. Кроме них есть киоски, павильоны, палатки и автоместа, в общей сложности здесь 632 торговых места. На рынке расположено 15 строений, но большую его часть занимает уличная торговля. Аренда посуточная, рынок доступен для самых разных арендаторов — от крупных фермерских хозяйств и компаний до обладателей личных подсобных хозяйств, пенсионеров и мигрантов из регионов и стран СНГ. Рынок «собирает» страну и ближайших

к ней соседей, здесь говорят на языках всего бывшего Советского Союза.

Кафе на рынке. В углу обедают две женщины. В соседнем ряду сидят мужчина и женщина, разговаривают на азербайджанском и выглядят растерянными. Мужчина выходит, а его спутница подходит к столу их соседок, кладет на него медицинские документы (анализ крови) и начинает говорить по-русски.

— *Вы же хорошо понимаете?*

— *Сейчас я очки достану,* — отвечает ей одна из женщин. Читает документы. — *Ну что. Эритроциты, воспалительный процесс идет. Видишь, немного повышен. Ну тромбоциты очень. Видишь, вот. Надо будет заниматься венами. Да, да! Обязательно. А то не дай бог какой-нибудь тромб оторвется — посмотри, насколько превышено.*

— *Прошлый раз ходила, она [врач] мне говорит: «Да у вас пока ничего нету, подождите».*

— *Ага, мне так же говорили.*

— *Когда я стояла здесь, на рынке, у меня ноги постоянно болели. Асе отправите?*

— *Да, сейчас отправлю.* — Фотографирует документы и отправляет их.

Женщина с анализом крови уже много лет периодически работает на Преображенском рынке. Женщины, к которым она подошла, — местные жительницы. Они ходят сюда больше двадцати лет. Ася — их общая знакомая. Все они познакомились на рынке. Интимность информации, которую люди сообщают друг другу, первое время обескураживает. Покупатели и продавцы рассказывают о болезнях, долгах, беременностях, трудных жизненных ситуациях. Покупатели ходят к одним и тем же продавцам и видят «как им трудно»: *Вот Марина — стоит в торце. И уже по многу-многу лет, причем это же адов труд* (Оксана, 55 лет). Продавцы также внимательны к покупателям, среди которых много пожилых людей. Они видят полусогнутых стариков, глухих и полуслепых старух с тележками. Рынок — это пространство неприкрытой телесности и уязвимости, ответом на которую становятся взаимные забота и опека: *Отец постоянно на рынок ходит, его там опекают. Старый уже и слепой* (Анастасия, 50 лет). Для многих пожилых людей района рынок — единственное социальное место, которое они посещают и где получают общение и заботу вне круга близких людей.

Общение на рынке — базовая компетенция продавцов и потребность покупателей, обе стороны стремятся к постоянным контактам. Покупатели не могут рационально объяснить, как из множества продавцов они выбирают «своих», в этом выборе не участвует экономическая логика (например, низкая цена).

Отношения завязываются случайно, но при этом носят устойчивый характер и могут растягиваться на десятилетия: *Смотрю, там стоит девушка. И улыбается, так хорошо улыбается! Ну и говорит, что иди к нам. Я попросил петрушку, укроп, кинзу, и она мне сделала как букетик и преподнесла. С тех пор я так и хожу* (Сергей, 84 года).

Вернемся к мысли Гирца о базаре как сфере реципрокных связей, которые сглаживают издержки экономического поиска. Реципрокные связи здесь не превращают товар в дар, как при реципрокных обменах в чистом виде, но они трансформируют отношения продавца и покупателя. В результате анонимный рыночный обмен, не предусматривающий обязательств после совершения сделки, на базаре ревоплощается в обмен между людьми, которые знакомы и испытывают по отношению друг к другу чувство привязанности, доверия и долга, что Маршалл Салинз называет сбалансированной реципрокностью [Салинз 1999: 118]. Продавцы могут отпускать в долг товары, покупатели — дарить небольшие подарки, но главное значение имеет лояльность покупателей, на которой держится экономика продавца и заставляет его вкладываться в такие отношения. Забота и опека, взаимное доверие между покупателями и продавцами — результат реципрокности.

Они все лет по двадцать уже ходят. Я их всех знаю. Я даже знаю, у кого когда день рождения, у кого какие проблемы, кто когда болеет. Если нет кого, мы сразу звоним. Вот сегодня Саша не пришел, хотя должен к 12 прийти, мы звоним: «Саш, ты где?» — «А я упал, колено болит». Если кто-то болеет, мы даже можем помочь. Это семейное кафе. Я имею в виду по атмосфере. Это не специально, со временем само таким стало (Азад, хозяин кафе на рынке).

Именно реципрокные связи формируют маршруты покупателей на рынке. Движение на рынке — это движение от одного «своего» продавца к другому «своему» продавцу. Когда спрашиваешь покупателей, что они покупают на рынке, люди в первую очередь называют не товары, а имена: *На этой точке я беру около тридцати лет. Это точка называется «у бабы Ани». Здесь раньше работала бабушка Аня, уже старенькая сейчас, она была одной из первых, кто начал делать молочку, сыры. У бабушки Ани здесь работают и дочери, и снохи* (Светлана, 65 лет). Такая типичная структура рассказа о покупках на рынке: вместе с именем узнаешь личные истории продавцов. Сначала люди называют одно имя, потом другое, погодя вспоминают еще несколько, и рынок превращается в карту, где опорные пункты — места конкретных продавцов. Поскольку такие отношения локализованы, покупатели хорошо запоминают физическое

пространство рынка и замечают все изменения — кто и где стоит, что и когда было построено, что куда переехало и что разрушено: *Вот здесь был павильон, в народе «Большая конюшня». Его недавно снесли, мы так сожалеем* (Андрей, 60 лет).

Власти: производство городского пространства эпохи Собянина

Свою карьеру московского градоначальника Сергей Собянин начал в 2010 г. с критики предыдущего мэра Юрия Лужкова, при котором постсоциалистическое городское пространство превратилось в экономический актив, но все еще оставалось хаотичным и неформальным [Büdenbender, Zupan 2017: 301]. Новый мэр пришел с идеологией «комфортной городской среды». Его флагманский проект — реконструкция парка Горького, проходившая под лозунгом «Вернуть парк горожанам», ввел новый тип потребления с заданным сценарием, который на деле исключал горожан, этому сценарию не соответствующих [Kalyukin et al. 2015: 691]. Новые городские власти продолжили экспансию неолиберальной модели города: «Москва при Собянине продолжает то, на чем Лужков остановился, поскольку он создал условия для дальнейшей коммодификации городского пространства» [Büdenbender, Zupan 2017: 304]. Но если городское пространство Лужкова — фрагментарно и хаотично, то команда Собянина поставила обновление общественных пространств на поток, разработав единый стандарт благоустройства и закрепив его на бюрократических аренах¹. Рынки, сохранявшиеся в городском ландшафте лужковской эпохи, в риторике нового мэра оказались нежелательны. «Я видел такое в самых бедных провинциях Индии», — говорил Сергей Собянин в 2010 г. про рынок «Эмерал», который снесли через неделю после его визита [Собянина возмутило 2010]. Таковой была судьба практически всех московских универсальных рынков. Исключением стали сельскохозяйственные рынки, которые находятся в собственности мэрии Москвы и имеют особый статус. Исторически они связывали город и деревню, занимая место в системе продовольственного обеспечения и сбыта [Казанцев 1994]. Сбыт «деревни» встроен в национальную систему продовольственной безопасности, по словам замминистра промышленности и торговли Виктора Евтухова, «[з]ачастую [рынки] являются единственными гарантированными каналами сбыта для мелких и средних сельхозпроизводителей» [Скачкова 2017]. В 2011 г. на фоне сноса универсальных рынков Собянин

¹ Распоряжение Правительства Москвы от 04.08.2016 № 387-ПП «Об утверждении Сводного стандарта благоустройства улиц Москвы» <<https://www.mos.ru/mka/documents/normativnye-pravovyye-akty-g-moskvy/view/144531220/>>.

публично говорил о неприкосновенности сельскохозяйственных: «Мы не говорим, что закроем все рынки — ни в коем случае. Должны остаться сельхозрынки <...> их надо привести в порядок, благоустроить и навести чистоту» [Собянин рассказал 2011]. Перед властями встала дилемма экономической эффективности городского пространства и «социальной значимости» сельскохозяйственных рынков. Чтобы ее решить, нужно было трансформировать рынки, не изменив их формальный статус.

Эта трудность была не единственной. Будучи в собственности мэрии Москвы, сельхозрынки не контролировались чиновниками и их экономика не была прозрачной: *Они вообще не могли контролировать рынки, потому что это был изначально теневой бизнес на сто процентов. И то, что показывалось основному бенефициару — городу, это какая-то малая толика того, что действительно зарабатывалось на этом рынке. Все на самом деле смирились с этим, и всех это устраивало* (Максим Попов, директор Даниловского рынка в 2011–2015 гг.). Чтобы модифицировать сельскохозяйственные рынки, нужен был союзник на экономических аренах, способный поменять правила игры. Таким союзником стал крупный бизнес (имя компании или инвестора мой собеседник не раскрыл). Их пилотным проектом стала трансформация Даниловского рынка, а исполнителями проекта — международный ресторанный холдинг Ginza Project: *Я без фамилий, если можно. Владельцем должен был быть один достаточно серьезный, очень состоятельный человек, и он со своей стороны на уровне общения с правительством Москвы договорился, что это будет первый объект, который будет образцово-показательным, с прозрачной экономикой и что все будет выведено в цивилизованную форму* (Максим Попов).

Новая команда сразу же столкнулась с неформальными лидерами на рынке. Они существовали параллельно официальным директорам и создавали иерархию, при которой продавцы и арендаторы не могли напрямую обратиться к директору рынка и не знали реальной арендной ставки. Главные изменения на Даниловском рынке произошли не с появлением там модных кафе, а когда топ-менеджеры Ginza Project смогли вытеснить прежних неформальных лидеров. Вслед за этим холдинг джентрифицировал рынок, а в 2015 г. Москва его продала [Близкие к Ginza 2015]. Обновленный Даниловский рынок соответствовал идеологии «комфортной городской среды», на него пришли новые потребители и новые практики (перфомансы, выставки, званые ужины в ресторанах), а голоса жителей, годами ходивших сюда за доступными продуктами к «своим» продавцам, утонули в хвалебных отзывах в медиа.

После успешной продажи Даниловского рынка мэрия Москвы стала отдавать рынки на реконструкцию и приватизацию один за другим, превращая их в «общественные пространства, соответствующие новому стандарту». В 2018 г. в блоге Собянина появилась следующая запись:

Рынки могут быть позором для города. Вспомним историческую Хитровку или «Лужу» <...>. Рынки могут быть достопримечательностью города <...>. Хотелось бы, чтобы такие рынки были не только в Токио или Барселоне, но и в Москве. Что для этого нужно? Рассказываю по опыту Москвы. <...> В Москве рождается новая тенденция. Рынки становятся не только местом покупок, но и общественным пространством. Сюда приходят, чтобы повстречаться с друзьями или деловыми партнерами, выпить кофе, пообедать в ресторане, принять участие в гастрономических мастер-классах. Рынки становятся модным местом! [Новый взгляд 2018].

К 2022 г. в собственности Москвы осталось всего три рынка, и только в отношении Преображенского нет планов по его реконструкции и приватизации. Как он стал исключением? Это связано с интересами других игроков, в первую очередь старообрядцев.

Неочевидные игроки за городское пространство: старообрядцы и возврат религиозной собственности

До революции 1917 г. Преображенское было религиозным центром старообрядцев-беспоповцев. Они построили здесь фактически свой городок с больницей, школой, кладбищем, богадельными домами, издательством и т.д. (см. ил. 1 на цветной вклейке). После революции все имущество старообрядцев национализировали, а в 1932 г. на территории женского двора богадельного дома устроили Преображенский колхозный рынок [Козлов 2019: 16]. В постсоветское время начался процесс возвращения религиозной собственности. В 1997 г. в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» появилась норма о безвозмездной передаче государственного и муниципального имущества религиозного назначения¹. Именно она закрепила религиозные организации на бюрократических аренах в качестве игроков. Но вместо передачи в собственность тысячи культовых зданий были отданы религиозным организациям в безвозмездное бессрочное пользование — благодаря этому механизму государство удерживает за собой право собственности [Köllner 2018: 1092].

¹ Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/>.

Преображенские старообрядческие общины стала возрождаться при сохранившемся небольшом храме в годы перестройки и к началу 1990-х уже набрали силу. В 1992 г. три общины на территории храма объединились и создали централизованную религиозную организацию «Совет православных церковных приходов Преображенского монастыря» (далее Совет). Ее целью было не только вести общинную работу, но и вернуть собственность, принадлежавшую старообрядцам до революции. В 1993 г. Правительство Москвы передало Совету в бессрочное пользование Ансамбль Преображенского старообрядческого монастыря (далее Ансамбль)¹, включающий территорию Преображенского рынка. Еще несколько лет организации понадобилось, чтобы выселить все работавшие там конторы через суд и начать реставрацию храма и построек. Ровно за год до передачи Ансамбля Правительство Москвы заключило действующий поныне договор аренды земельного участка с ГУП «Преображенский рынок». Наложение земельных участков с разными пользователями (ил. 2) было настолько беспрецедентным, что в Москомрегистрации отказались регистрировать права старообрядцев и Совет добивался регистрации через суд².

Именно эти два решения московских властей лишили старообрядцев возможности единоличного владения Ансамблем, и они же ограничили в правах ГУП «Преображенский рынок». Оба игрока получили во владение «коммунальную квартиру», им приходится уживаться друг с другом, имея противоположные цели. Старообрядцы считают, что это решение было принято на неформальных аренах: *Все прекрасно понимали в органах власти, что создается ситуация, в которой документы выдаются на два участка. Там имелаась какая-то неофициальная составляющая* (Михаил Шахов, член Совета).

Предприниматели «с рынка»: игроки, пугающие ходы

В марте 2020 г. на рынке снесли павильон «Большая конюшня» как незаконную постройку [Суд постановил 2020]. Она принадлежала Геннадию Медведеву, работавшему здесь с 1990-х. Изначально он не был связан с местной старообрядческой общиной, но с 2007 г. начал регистрировать одну за другой старо-

---

¹ Постановление Правительства Москвы от 27.07.1993 № 722 «О передаче в безвозмездное и бессрочное пользование Совету церковных приходов Преображенского монастыря комплекса зданий и сооружений монастыря (Преображенский вал, 17–25) <<https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/830260>>.

² Арбитражный суд г. Москвы. Решение от 2 июля 2001 г. Дело № А40-17157/01-84-110 <<https://sudrf.cntd.ru/rospravo/document/780034741>>.

обрядческие организации в своем павильоне на рынке¹, а позже эти организации заявили свои права на пользование территорией Ансамбля, заключив за спиной у уже существовавших правообладателей договоры аренды на несколько построек Ансамбля². Спустя несколько лет судебных разбирательств по иску Совета договоры от имени организаций Медведева были признаны фиктивными³. Это была первая попытка «рейдерского захвата людьми с рынка» (Максим Пашинин, глава Совета), растянувшегося на десятилетия⁴. Старообрядческим организациям пришлось защищать свое право на территорию Ансамбля в суде из-за действий Медведева. Соседство общины с рынком стало камнем преткновения не только из-за допущенного московскими властями наложения земельных участков: у старообрядцев Преображенский рынок до сих пор прочно ассоциируется с махинациями Медведева, пытавшегося завладеть Ансамблем.

14 февраля 2011 г. Росохранкультура выпустила Приказ об утверждении границ Ансамбля — памятника культуры, исключив территорию рынка⁵. Однако за несколько дней до этого, 8 февраля, сама Росохранкультура была упразднена указом президента, действующим с момента его подписания⁶. Таким образом, приказ выпустило не существовавшее ведомство. Через месяц, 9 марта, в старообрядческий храм пришли чоповцы (сотрудники частного охранного предприятия) вместе с Геннадием Медведевым, обыскали помещения и стали выгонять людей со службы, напугав пожилых прихожан [Староверы борются 2011]. Старообрядцы связывают приказ уже не существующего ведомства об исключении рынка из территории памятника и действия Медведева, считая их союзниками на неформальных аренах. С обоими игроками они снова судятся. Только четыре года назад старообрядческая община избавилась

¹ Rusprofile — сервис проверки и анализа контрагентов: Медведев Геннадий Анатольевич <<https://www.rusprofile.ru/person/medvedev-ga-771973923351>>.

² Заявление председателя ЦРО «Древлеправославная старопоморская церковь федосеевского согласия» К.В. Кожева руководителю Территориального управления Росимущества в городе Москве // Территориальное управление Росимущества по городу Москва. 27 июля 2015 г. <<https://clck.ru/YECRo>>.

³ Арбитражный суд г. Москвы. Решение от 1 апреля 2011 г. Дело № А40-139704/1011-488 <<https://clck.ru/YECNv>>.

⁴ Судебная история старообрядческих организаций сложная и запутанная, с множеством апелляций, длящаяся уже тридцать лет. Я прочла все документы судебных заседаний, которые есть в открытом доступе в картотеке Арбитражного суда России. Но чтобы не запутать читателя в судебных дебрях, здесь я ссылаюсь только на несколько конкретных решений.

⁵ Приказ от 14 февраля 2011 г. № 182 «Об утверждении границы территории объекта культурного наследия федерального значения “Ансамбль памятников Преображенской старообрядческой общины, XVIII–XIX вв., арх. М.Ф. Казаков” и правового режима использования земельных участков в границе территории объекта культурного наследия» <<https://clck.ru/YED43>>.

⁶ Указ Президента РФ от 8 февраля 2011 г. № 155 (ред. от 4 апреля 2016 г.) «Вопросы Министерства культуры Российской Федерации» <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110325/>.

от угрозы потерять Ансамбль из-за притязаний на него созданных Медведевым религиозных организаций, но ее положение по-прежнему «подвешенное» благодаря другим решениям московских чиновников. Старообрядцы предполагают, что московские власти исключили территорию рынка из границ памятника культуры ради ее приватизации:

Если эта территория не является частью охраняемого исторического комплекса, там возможна и уже идет приватизация. Уже несколько торговых точек там стали частными. Это здания, а собственник здания имеет право, чтобы ему <...> землю передали в собственность. И тогда навсегда, пока сохраняется в России институт частной собственности, не будет возможности восстановить исторический облик монастыря (Михаил Шахов, член Совета).

Старообрядцы обращались в Департамент культурного наследия Москвы по поводу исключения рынка из границ памятника культуры и получили ответ, что «на не вошедшей в границы ансамбля территории расположен “любимый москвичами Преображенский рынок”» [Шахов 2019]. Они говорят, что это социально значимый объект, всем бабушкам, которые тут живут, он так нужен, — пересказывает аргументы властей глава Совета Максим Пашинин. Годы судебных тяжб с различными государственными структурами и религиозными организациями Медведева не позволяют Пашинину поверить в аргумент про социальную значимость рынка. За действиями властей в пользу его сохранения старообрядческая община видит преследование экономической выгоды. Для старообрядцев разные структуры власти (от московских департаментов в мэрии до федеральных организаций) объединены целью не допустить их владеть всей территорией Ансамбля. А поскольку чаще всего старообрядцам приходится взаимодействовать со структурами власти в суде и доказывать незаконность их действий (в том числе в союзе с «коммерсантами с рынка»), то в их видении все решения по поводу рынка и Ансамбля приняты на неформальных аренах, которые ложно выдают за бюрократические. Сама же община последовательно добивается своей цели именно на бюрократических аренах: «Все проблемы очень медленно были решены за счет долгих и настойчивых апелляций» (Михаил Шахов, член Совета). Сейчас главная цель старообрядцев ни в коем случае не допустить приватизации Преображенского рынка. Последним заметным событием, связанным с возможной приватизацией Преображенского рынка, был городской конфликт в сентябре 2017 г., который ввел в ситуацию вокруг Преображенского рынка новых игроков — локальных и политических активистов. За несколько месяцев до этого они занимались реновацией и муниципальными выборами.

Локальные и политические активисты: пересборка игроков из-за реновации

В марте 2017 г. москвичи узнали о планах Правительства Москвы осуществить массовый снос хрущевок (реновацию). Однако часть домов была исключена из программы реновации из-за протестов жильцов, в том числе в районе Преображенское. Выступления против реновации не первые городские протесты в Москве. «Жилищные и городские “битвы” массово стали разворачиваться с конца 2005 года» и были связаны с либерализацией строительного рынка [Клеман и др. 2010: 135]. Но реновация создала новых игроков, изменила городские политические арены и привела многих жителей в локальный активизм из-за особенности программы реновации: чтобы исключить из нее свой дом, собственникам квартир пришлось взаимодействовать с соседями и согласовывать свои личные цели с коллективными стратегиями [Zhelnina 2020: 9].

В российской правовой системе многие нормы носят заявительный характер. Например, право собственников квартир владеть долей земельного участка под многоквартирным домом может быть вообще не реализовано, если собственники сами его не регистрируют. Это право — одно из многих, о которых москвичи узнали, когда столкнулись с реновацией:

Пришлось изучать Жилищный кодекс РФ, по которому земля под домом принадлежит на самом деле тем же людям, которым принадлежат квартиры. Но для того чтобы было все окончательно сформировано, территория должна быть, грубо говоря, размежевана и поставлена на кадастровый учет. И как раз с пятиэтажек все и началось. Я стала во все это влезать только из-за жилых домов (Карина, локальная активистка).

Реновация заставила горожан вникнуть в жилищное законодательство и воспользоваться возможными механизмами для защиты своих домов. Так они освоили бюрократические арены, а властям пришлось следовать этим нормам, иногда впервые: *Мне отказывали несколько раз в Росреестре, соседнему участку — один раз, третьему участку у соседей сразу поставили. И все остальные участки ставили сразу, потому что мы отработали систему (Карина).* Опыт борьбы за городское пространство — это в том числе процесс обучения тому, как городское пространство вписано в бюрократическую систему, какими могут быть рычаги влияния на законных основаниях.

Освоение бюрократических арен горожанами создало еще один феномен локального активизма — постоянный мониторинг открытых данных (госзакупок, публичных градостроительных документов и пр.), который вызван опасением неожиданных

событий с негативными последствиями и стремлением их предотвратить: *Уже знаю, где это смотреть. Где эти акты публикуют. Регулярно смотрю, что по району. Не могу уже от этого отключиться, к сожалению. Уже как псих. Смотрю: так, что еще повесили, где чего рыть, опять что-нибудь раскопают экскаватором безжалостно* (Оксана, локальная активистка). Все активисты, с которыми я общалась, говорили о других реальных или потенциальных городских конфликтах и о чувстве потери города. Их чувства стали эмоциональным ресурсом в борьбе за «право на город» [Харви 2008]. Если освоение бюрократических арен активистами сделало эффективными их действия, то эмоциональная солидарность дает им опору для объединения и склеивает разрозненное городское пространство, мотивируя людей реагировать на городские конфликты в разных местах: *Каждый клочок земли у нас под угрозой — свободной земли, условно свободной! — под угрозой исчезновения* (Марина, локальная активистка).

Локальным активистам помогают политические активисты, которым участие в городских конфликтах дает возможность получать голоса избирателей на политических аренах. Так, Михаил Тимонов, депутат VII созыва Мосгордумы округа № 16 (Богородское, Преображенское, часть района Соколиная гора), сначала был наблюдателем на выборах в Восточном административном округе. Его стратегия типична для многих политических активистов 2011 г.: «Бывшие наблюдатели решили продолжить протестную активность на локальном уровне и создали небольшие активистские группы» [Журавлев и др. 2014: 188]. Именно политические амбиции подтолкнули Тимонова заняться городской повесткой. Он был одним из координаторов кандидатов в муниципальные депутаты в 2017 г., и борьба с реновацией позволила ему привлечь людей на свою сторону: *Тогда была сильна волна антиреновационная, на которую мы кучу народу подняли. Собственно, смогли отбить какое-то количество мест в 17-м году* (Михаил Тимонов). Политические активисты, помещая события в логику электоральных циклов и политический партий, обеспечивают локальным активистам доступ на бюрократические арены и таким образом позволяют экономить силы и время. В частности, на запросы депутатов власти отвечают быстрее, чем на запросы обычных граждан, поэтому локальные активисты часто делают это через депутатов.

При этом локальные активисты делают большую и невидимую работу в оспаривании городских территорий, они готовы месяцами (а иногда и годами) следить за объектами и местами, держат в уме длинные циклы административного регулирования. Локальные активисты — глаза и уши района, реагирующие на подозрительные ситуации, тогда как политические активисты

обеспечивают таким ситуациям большую видимость. Чем громче и масштабнее городской конфликт, чем больше людей в него можно вовлечь, тем больше сил и времени готовы потратить на участие в нем политические активисты, поскольку видят в этом больше политического смысла. Преображенский рынок стал именно таким масштабным событием, чтобы серьезно в него вовлекаться.

Реципрокные связи на рынке как источник мобилизации протеста

Вернемся на Преображенский рынок. Мы уже знаем, что между покупателями и продавцами завязываются многолетние отношения, что связи носят реципрокный и устойчивый характер и эти отношения локализованы. Что происходит в таком пространстве, когда в него вносят изменения, нарушающие привычные маршруты? В одном из интервью-прогулок Светлана, которая ходит на рынок почти сорок лет, захотела показать мне любимое кафе, где она часто встречается с друзьями. Мы подходим к кафе — на двери табличка «Закрыто». Светлана немедленно обращается к ближайшим продавцам.

— Что случилось?

— Они закрылись.

— Почему? А что случилось? Давно?

— Ушли просто, с неделю как.

— Куда ушли? Как? Это что такое? Как? Они же сюда столько вложили, и печь, и крышу. Вот это да! Вот это да! Что случилось? Все, что-то опять начинается. Надо сообщить. Что-то начинается. — Светлана расстроена и не может успокоиться, она набирает в вотсап сообщение хозяину кафе.

Изменения не только нарушают привычный маршрут, но и лишают места «встречи со своими», угрожают структурному элементу рынка. Когда снесли «Большую конюшню», покупатели неделю искали своих продавцов по всему рынку. После проверок полиции некоторые продавцы ушли с рынка, и покупатели снова бросились их искать: *И опять там всех трясло, были крики, стоны, страх и все прочее* (Илья Бер, муниципальный депутат). Когда на рынке происходят ценовые скачки арендных ставок (вверх и вниз), о которых продавцы рассказывают покупателям, это тоже воспринимается как угроза рынку. Непрозрачные действия администрации, необъяснимые изменения на рынке превращаются в «сигналы» — с рынком что-то хотят сделать.

За три дня до муниципальных выборов в Москве, 7 сентября 2017 г., локальная активистка Карина опубликовала в «Фейсбуке» в группе «Наша Преображенка» сообщение о том, что на кадастровой карте Росреестра изменен вид разрешенного ис-

пользования земельного участка Преображенского рынка с торговли на многоквартирную застройку, начав его словами «Преображенский рынок похоже заканчивает свое существование». Эта публикация запустила протест против возможного сноса рынка. Карина заметила изменения, когда мониторила кадастровую карту, хотя ее дом уже исключили из программы реновации:

Я периодически залезала на кадастровую карту и смотрела, что происходит у нас. Просто приятно было видеть приращение... видеть на кадастровой карте изменения в динамике — количество участков на учете. Я кликнула на рынок и увидела, что появился новый участок поверх старого — для застройки.

Михаил Тимонов, который в 2017 г. еще не был депутатом, сразу же включился в работу и воспользовался своими связями:

Я схватил в охапку Карину [активистку], и мы полетели к Митрохину [депутату Мосгордумы]. Я был с ним знаком лично, потому что на кампании 17-го года «Яблоко» попросило меня сформировать кандидатов по районам в ВАО [Восточный административный округ]. Он сразу начал писать какие-то бумаги, я, естественно, названивал, ускорял процесс. Второе, я приехал вот сюда [в Думу] к Шуваловой [депутату Мосгордумы]. И мы тут в Мосгордуме встречались, сидели в кафе, и она тоже сделала обращения.

Тимонов организовал кампанию по сбору подписей на Преображенском рынке и в интернете. Онлайн-петицию поддержали почти три тысячи человек¹, а живых подписей на рынке собрали в три раза больше. Основная мобилизация против возможного сноса / реконструкции рынка происходила на месте. Префектура ВАО была вынуждена срочно организовать встречу местных жителей с профильными чиновниками, которые заверяли, что рынку не угрожают ни снос, ни реконструкция и изменения на кадастровой карте — ошибка системы учета [Префектура ВАО 2017].

Почему этот протест стал возможен? В чем особенность кейса Преображенского рынка в сравнении с другими рынками Москвы, которые джентрифицировали или снесли? Локальные протесты против джентрификации и сноса рынков были и в других случаях. Но, как правило, люди узнавали о том, что их рынки уже не будут прежними, слишком поздно, когда процесс реновации был запущен. Здесь же благодаря недавно полученному опыту Карина смогла вовремя обнаружить признаки возмож-

---

¹ Петиция 2017 г. «Отмените решение закрыть Преображенский рынок в Москве» <<https://chnг.it/c2DQhJ5YVX>>.

ных перемен. Таким образом, освоение бюрократических арен и их постоянный мониторинг дали возможность локальным активистам принимать превентивные меры.

Не все городские территории или объекты вызывают массовый отклик. Например, Оксана практически одна борется за сохранение парка: *Кто где живет, то и смотрит. Вот Оксана — около парка, для нее проблемная история. Она за ним смотрит. Кто живет рядом с кортами, следит, что с ними происходит* (Карина). Другое дело Преображенский рынок. Мобилизация вокруг рынка оказалась активнее, чем в других городских конфликтах, хотя основные действующие лица были те же — локальные и политические активисты. Десять лет назад, когда городское пространство Москвы только начало меняться, а единственным джентрифицированным рынком был Даниловский, никто не ждал, что в скором времени город останется без привычных сельскохозяйственных рынков. Но уже в 2017 г. жители могли опираться на произошедшие изменения: *Меня как жителя Москвы волнует, что рынки превращаются в дорогие довольно бессмысленные фудкорты* (Константин, 40 лет).

Джентрификация сельскохозяйственных рынков сделала Преображенский рынок уникальным. Его ценность в глазах горожан усиливают их опасения потерять единственный оставшийся рынок с базарным потреблением, при котором образуются реципрокные связи. Именно эти связи стали основой для мобилизации протеста, когда активистам удалось вовлечь людей, не принимавших участия в других городских конфликтах: *Вы понимаете, тут даже те, кто не мог ходить и на инвалидных колясках, они готовы были поддержать, если мы даже не цепляем политику. Это именно бабушки, именно люди аполитичные газеты раскладывали и информацию распространяли. Все они оставляли телефоны и говорили, что за рынок приползут на животе* (Екатерина, 60 лет, собирала подписи на рынке).

Рынок стал ареной для взаимодействий активистов и жителей. Активисты перенесли свой опыт бюрократического мониторинга на рынок, где любые изменения воспринимаются как опасность его потерять. Чувства утраты города активистов и чувства возможной утраты рынка покупателей создали их эмоциональную солидарность. Политические же активисты подключились к ним в период своей наибольшей активности в связи с выборами, их кампания была построена на решении городских проблем, и борьба за рынок стала ее логичным продолжением. В 2019 г. Михаил Тимонов был выбран депутатом в Мосгордуму, в его политической кампании использовалось участие в 2017 г. в спасении Преображенского рынка.

Компромиссы игроков как механизм сохранения рынка

Изменение назначения земельного участка рынка — не единственный «сигнал», который обнаружили активисты в 2017 г. Мэрия Москвы назначила новым директором ГУП «М. Прогресс» Алексея Донченко, который раньше занимался продажей государственных активов на аукционах. Его карьера стала для активистов еще одним сигналом, что рынок ждут изменения. Во время интервью (апрель 2021 г.) Алексей Донченко показывал мне концепцию реконструкции Преображенского рынка, которой нет в публичном доступе: несколько новых зданий со стеклянными фасадами, фудкорты, благоустройство, отсутствие уличной торговли. Сейчас на Преображенском рынке одна из самых низких арендных ставок. Это не значит, что он не приносит прибыль, но логика производства пространства московских властей требует от рынка большей экономической отдачи. Донченко подчиняется этой логике и последовательно с 2017 г. приводит в порядок юридические и финансовые дела на рынке: *Земельный участок сейчас на рынке, как пирог: есть один большой участок [старообрядцев], потом сверху еще наложен, на нем в этой же границе еще один участок, а в этом же участке еще несколько участков. В девяностые был правовой беспредел, и что хотели, то и делали. Кто как хотел земельный участок, так и нарезал его* (Алексей Донченко).

При новом директоре с рынка ушел Геннадий Медведев и была снесена «Большая конюшня». На Преображенском рынке Алексей Донченко пытается сейчас делать то же, что и Максим Попов на Даниловском десять лет назад, — изменить правила игры, превращая неуправляемое предприятие в экономический актив. Но совершить это ему не дают старообрядцы: *Мы сделали межевание земельного участка, мы к ним пришли, попросили: «Согласуйте, потому что мы со всеми [остальными] согласовали, с соседями». А согласно земельному законодательству, нужно согласовать со всеми. Они нам отказали просто и все* (Алексей Донченко). ГУП судится со старообрядцами несколько лет, но суд встает на сторону старообрядцев, поддерживая их право на историческую справедливость и ссылаясь на события 1771 г., когда старообрядцы получили эту землю¹.

Еще один парадоксальный элемент сохранения рынка — сложившиеся на нем реципрокные связи, которые свойственны базарам. Игрокам, заинтересованным в территории рынка, приходится их учитывать, корректировать свои цели и идти на компромиссы. Для властей, у которых уже есть концепция ре-

---

¹ Арбитражный суд г. Москвы. Решение от 23 декабря 2019 г. Дело № А40-139798/19-50-1201 <<https://clck.ru/YECi8>>.

конструкции рынка, привязанность к нему местных жителей — основной аргумент против старообрядцев: *Даже если условно отойдет вам [Совету] Преображенский рынок, снесете его, вы представляете, что произойдет? Какой социальный взрыв будет?* (Алексей Донченко). Та же причина удерживает сами власти от приватизации рынка: события 2017 г. показали, что угроза рынку ведет к мобилизации людей и протестам, а локальные и политические активисты способны организовать эту мобилизацию, используя пространство рынка как арену, где возникает солидарность между жителями и активистами. Статус единственного сохранившегося рынка Москвы заставляет власти действовать осторожнее: *Приватизация, ну не знаю. Я думаю, люди возмутятся* (Алексей Донченко).

Политические и локальные активисты продолжают держать рынок в фокусе своего внимания. Первые — из-за его электорального потенциала, вторые — из чувства утраты города. Меньше всех в сохранении рынка заинтересованы старообрядцы. Это загадочный игрок для его оппонентов. Администрация рынка знает их только через призму судебных разбирательств и не понимает их целей: *Они там хотят что? Собор еще один поставить? У них же огромный земельный участок — ставьте, пожалуйста, на своем* (Алексей Донченко). Многие на рынке, включая активистов, думают, что Совет зарабатывает на его аренде, но это не так. Сами активисты со старообрядцами не взаимодействовали и из-за их религиозности и закрытости видят в них скорее оппонентов, чем союзников. Между тем сейчас старообрядцы оказываются значимым фактором, сдерживающим изменения на Преображенском рынке. Они боятся его приватизации, не доверяют властям, подозревая их в сотрудничестве с нелегальными предпринимателями, и не соглашаются на согласование земельных участков. Для всех игроков ситуация с рынком остается «подвешенной». Слухи о его закрытии / реконструкции давно циркулируют и стали фоном, в котором существуют и продавцы, и посетители. Это делает рынок одновременно стабильным и зыбким, а его постоянных посетителей чуткими к любым изменениям на рынке и готовыми к протесту против разрушения их повседневности.

Закключение

Стратегия, которой я следовала в этой работе, была вызовом и риском. Как правило, исследователи разделяют анализ игроков, заинтересованных в городских территориях [Шевцова, Бедерсон 2017], и изучение самого рынка, специфичное устройство которого требует отдельной концептуализации [Гирц 2009]. Однако аналитическая автономия игроков от социальных отношений на Преображенском рынке привела бы к упрощенному понима-

нию устройства этой конфликтной ситуации. Я намеренно расширила предмет исследования и создала множественность сюжетов (каждый из которых мог бы стать отдельной статьей), чтобы показать взаимосвязь этих сюжетов, сложность производства городского пространства и его делящийся статус. «Подвешенность ситуации», о которой говорили мои собеседники независимо от их позиций и ресурсов, — это та сложившаяся конфигурация игроков, которая встроена в более широкие социальные отношения, практики и институты: от базарного типа потребления на рынке до политических процессов, развернувшихся в России в последние десятилетия, и даже до дореволюционной истории Москвы. В этом пазле имеют значение качественно разные социальные явления и процессы, уравниваются не равные по масштабу и силе элементы, потому что они влияют на сохранение рынка: чувства людей и бюрократия, политическая борьба и экономические выгоды землепользования. Именно этому принципу я следовала в отборе и анализе материала, подробно описывая игроков и отношения на самом рынке. Такая конфигурация выстроилась в динамическом взаимодействии игроков друг с другом и может быть изменена в любой момент, поскольку игроки способны совершать новые ходы.

История Преображенского рынка — это не цепь удивительных совпадений, как может показаться на первый взгляд. В социальном смысле каждый из игроков действовал согласно своей логике, оглядываясь на других игроков, и результаты каждого, часто непреднамеренные и противоречивые, на самом деле логичны и неизбежны вследствие столкновений игроков друг с другом. Фокус на взаимодействиях игроков друг с другом и с самим рынком как сетью отношений расколдовывает «подвешенную ситуацию». Во-первых, мы можем увидеть не только привязанность жителей района Преображенское к рынку как месту с особой социальностью или то, что Меле назвал реакцией на управление городскими территориями властью в союзе с крупным бизнесом [Mele et al. 2015: 116], но и скрытые механизмы условий этой привязанности и возможностей, которые позволяют ее защитить. Во-вторых, для меня важна деконструкция властей как всемогущего и абстрактного игрока, результаты которого невозможно оспорить. Мы видим, что в кейсе Преображенского рынка московские чиновники действовали с оглядкой на активистов, на «социальную значимость» рынка и на сложившуюся зависимость от старообрядцев. И в-третьих, игроки могут отличаться от привычных сторон в городских конфликтах — жителей и властей / крупного бизнеса. Старообрядцы — нетипичный участник городского конфликта, но нам важно, что их существование в городе встроено в многочисленные и пересекающиеся социальные процессы.

Источники

- Близкие к Ginza структуры выкупили Даниловский рынок // Forbes. 2015, 5 марта. <<https://www.forbes.ru/news/281993-blizkie-k-ginza-struktury-vykupili-danilovskii-rynok>>.
- Козлов В.Ф. Московский Преображенский монастырь — духовный центр старообрядцев-беспоповцев: путеводитель. М.: Третий Рим, 2019. 52 с.
- Новый взгляд на московские рынки // Сергей Собянин: личный блог. 2018, 6 июня. <<https://www.sobyanin.ru/moskovskie-rynki>>.
- Префектура ВАО о Преображенском рынке // Youtube. Канал местного общественного движения «Преображенцы». 2017, 15 нояб. <<https://youtu.be/Ntw2VfHempU>>.
- Скачкова Е. Минпромторг России разработал пакет законопроектов, которые помогут выжить розничным рынкам // Облгазета.ру. 2017, 16 сент. <<https://old.oblgazeta.ru/economics/72612/>>.
- Собянин рассказал о судьбе столичных рынков // Коммерсантъ. 2011, 21 апр. <<https://www.kommersant.ru/doc/1626311>>.
- Собянина возмутило состояние дел в торговом комплексе на 25-м километре МКАД: «Я видел такое в самых бедных провинциях Индии» // Newsru.com. 2010, 13 нояб. <<https://www.newsru.com/russia/13Nov2010/ind.html>>.
- Староверы борются за московскую землю // НТВ. 2011, 9 марта. <<https://www.ntv.ru/novosti/224224/>>.
- Суд постановил снести незаконный торговый комплекс на Преображенском рынке // Официальный сайт мэра Москвы. 2020, 24 марта. <<https://www.mos.ru/news/item/71498073/>>.
- Шахов М.О. Что создает препятствия восстановлению Ансамбля Преображенского старообрядческого монастыря? // «Поморский Север» — Культурно-паломнический центр имени протопопа Аввакума. 2019, 14 янв. <<https://protopop-avvakum.ru/chto-sozdaet-prepyatstviya-vosstanovleniyu-ansamblya-preobrazhenskogo-starobryadcheskogo-monastyrya/>>.

Библиография

- Гириц К. Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 2. 54–60.
- Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брызгина Д.Е. Базар и город: люди, пространства, образы. Иркутск: Отгиск, 2019. 288 с.
- Дятлов В.И. «Китайский» рынок «Шанхай» в Иркутске: роль в жизни городского сообщества // Известия ИГУ. 2014. Т. 10. С. 103–119.
- Желнина А. «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство // Laboratorium. 2011. Т. 3. № 2. С. 48–69.
- Желнина А., Тыканова Е. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. С. 162–192.

- Журавлев О., Ерыльева С., Савельева Н.* Индивидуализм и солидарность в новых российских гражданских движениях // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 2. С. 185–200.
- Казанцев Б.* Продовольственный рынок в жизни горожан // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 3–11.
- Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 678 с.
- Салинз М.* Экономика каменного века / Пер. с англ. О.Ю. Артемовой. М.: ОГИ, 1999. 293 с.
- Харви Д.* Право на город / Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. 2008. № 3 (66). С. 80–94.
- Шевцова И.К., Бедерсон В.Д.* «У власти точка зрения — молчание»: взаимодействие инициативных групп и органов местной власти в политике городского планирования // Политическая наука. 2017. № 4. С. 111–136.
- Akkar Z.M.* Questioning the “Publicness” of Public Spaces in Postindustrial Cities // Traditional Dwellings and Settlements Review. 2005. Vol. 16. No. 2. P. 75–91.
- Anderson E.* The Cosmopolitan Canopy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2004. Vol. 595. No. 1. P. 14–31. doi: 10.1177/0002716204266833.
- Andres L., Jones P., Denoon-Stevens S., Lorena M.* Negotiating Polyvocal Strategies: Re-reading de Certeau through the Lens of Urban Planning in South Africa // Urban Studies. 2020. Vol. 57. No. 12. P. 2440–2455. doi: 10.1177/0042098019875423.
- Atkinson R.* The Hidden Costs of Gentrification: Displacement in Central London // Journal of Housing and the Built Environment. 2000. Vol. 15. No. 4. P. 307–326. doi: 10.1023/A:1010128901782.
- Black R.E.* Porta Palazzo: The Anthropology of an Italian Market. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2012. X+221 p.
- Bodnar J.* Reclaiming Public Space // Urban Studies. 2015. Vol. 52. No. 12. P. 2090–2104. doi: 10.1177/00420980155836.
- Brenner N., Theodore N.* Cities and the Geographies of “Actually Existing Neoliberalism” // Antipode. 2002. Vol. 34. No. 3. P. 349–379. doi: 10.1111/1467-8330.00246.
- Büdenbender M., Zupan D.* The Evolution of Neoliberal Urbanism in Moscow, 1992–2015 // Antipode. 2017. Vol. 49. No. 2. P. 294–313. doi: 10.1111/anti.12266.
- Castells M.* The City and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements. Berkeley, LA: University of California Press, 1983. XXI+450 p.
- Dalby S., Mackenzie F.* Reconceptualising Local Community: Environment, Identity and Threat // Area. 1997. Vol. 29. No. 2. P. 99–108. doi: 10.1111/j.1475-4762.1997.tb00012.x
- de Certeau M.* The Practice of Everyday Life. Berkeley, CA: University of California Press, 1984. XXIV+229 p.

- De La Pradelle M.* Market Exchange and the Social Construction of a Public Space // *French Cultural Studies*. 1995. Vol. 6. No. 18. P. 359–371. doi: 10.1177/095715589500601807.
- Degen M.M.* Sensing Cities: Regenerating Public Life in Barcelona and Manchester. L.: Routledge, 2008. XII+225 p.
- Fanselow F.S.* The Bazaar Economy, or How Bizarre Is the Bazaar Really? // *Man (New series)*. 1990. Vol. 25. No. 2. P. 250–265. doi: 10.2307/2804563.
- Fehlings S.* Traders, Informal Trade and Markets between the Caucasus and China. Singapore: Palgrave Macmillan, 2022. XV+349 p.
- González S.* Contested Marketplaces: Retail Spaces at the Global Urban Margins // *Progress in Human Geography*. 2020. Vol. 44. No. 5. P. 877–897. doi: 10.1177/0309132519859444.
- González S., Dawson G.* Traditional Markets under Threat: Why It's Happening and What Traders and Customers Can Do: Report, The University of Leeds. Leeds, 2015. 47 p. <<https://eprints.whiterose.ac.uk/102291/>>.
- Hiebert D., Rath J., Vertovec S.* Urban Markets and Diversity: Towards a Research Agenda // *Ethnic and Racial Studies*. 2015. Vol. 38. No. 1. P. 5–21. doi: 10.1080/01419870.2014.953969.
- Humphrey C., Skvirskaja V.* The End of the Bazaar? Morphology of a Post-Soviet Marketplace // *History and Anthropology*. 2024. Vol. 35. No. 1. P. 152–169. doi: 10.1080/02757206.2021.1987233.
- Hüwelmeier G.* Post-Socialist Bazaars: Diversity, Solidarity and Conflict in the Marketplace // *Laboratorium*. 2013. Vol. 5. No. 1. P. 52–72.
- Jabola-Carolus I., Elliott-Negri L., Jasper J.M., Mahlbacher J., Weisskircher M., Zhelnina A.* Strategic Interaction Sequences: The Institutionalization of Participatory Budgeting in New York City // *Social Movement Studies*. 2020. Vol. 19. No. 5–6. P. 640–656. doi: 10.1080/14742837.2018.1505488.
- Jasper J.M.* Emotions and Social Movements: Twenty Years of Theory and Research // *Annual Review of Sociology*. 2011. Vol. 37. P. 285–303. doi: 10.1146/annurev-soc-081309-150015.
- Jasper J.M., Duyvendak J.W.* (eds.). *Players and Arenas: The Interactive Dynamics of Protest*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015. 327 p.
- Kalyukin A., Borén T., Byerley A.* The Second Generation of Post-Socialist Change: Gorky Park and Public Space in Moscow // *Urban Geography*. 2015. Vol. 36. No. 5. P. 674–695. doi: 10.1080/02723638.2015.1020658.
- Karrar H.H.* Between Border and Bazaar: Central Asia's Informal Economy // *Journal of Contemporary Asia*. 2019. Vol. 49. No. 2. P. 272–293. doi: 10.1080/00472336.2018.1532017.
- Karrar H.H., Rudaz P.* A Cautionary Tale: Bazaar Trade and Limitations to Growth in Georgia, Kazakhstan and Kyrgyzstan // *Global Networks*. 2022. Vol. 22. No. 3. P. 530–546. doi: 10.1111/glob.12367.
- Klink J.* Development Regimes, Scales and State Spatial Restructuring: Change and Continuity in the Production of Urban Space in Metropolitan Rio de Janeiro, Brazil // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2013. Vol. 37. No. 14. P. 1168–1187. doi: 10.1111/j.1468-2427.2012.01201.x.

- Köllner T.* On the Restitution of Property and the Making of “Authentic” Landscapes in Contemporary Russia // *Europe-Asia Studies*. 2018. Vol. 70. No. 7. P. 1083–1102. doi: 10.1080/09668136.2018.1484077.
- Low S.* *Spatializing Culture: The Ethnography of Space and Place*. L.; N.Y.: Routledge, 2016. XII+263 p.
- Mele C.* The Materiality of Urban Discourse: Rational Planning in the Restructuring of the Early Twentieth-Century Ghetto // *Urban Affairs Review*. 2000. Vol. 35. No. 5. P. 628–648. doi: 10.1177/10780870022184570.
- Mele C., Ng M., Chim M.B.* Urban Markets as a “Corrective” to Advanced Urbanism: The Social Space of Wet Markets in Contemporary Singapore // *Urban Studies*. 2015. Vol. 52. No. 1. P. 103–120. doi: 10.1177/0042098014524613.
- Nicholls W.* Place, Networks, Space: Theorising the Geographies of Social Movements // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2009. Vol. 34. No. 1. P. 78–93. doi: 10.1111/j.1475-5661.2009.00331.x.
- Öz Ö., Eder M.* Rendering Istanbul’s Periodic Bazaars Invisible: Reflections on Urban Transformation and Contested Space // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2012. Vol. 36. No. 2. P. 297–314. doi: 10.1111/j.1468-2427.2011.01076.x.
- Pickvance C.* From Urban Social Movements to Urban Movements: A Review and Introduction to a Symposium on Urban Movements // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2003. Vol. 27. No. 1. P. 102–109. doi: 10.1111/1468-2427.00434.
- Polletta F., Jasper J.M.* Collective Identity and Social Movements // *Annual Review of Sociology*. 2001. Vol. 27. P. 283–305. doi: 10.1146/annurev.soc.27.1.283.
- Rivlin P., González S.* Public Markets: Spaces for Sociability under Threat? The Case of Leeds’ Kirkgate Market // *González S. (ed.). Contested Markets, Contested Cities: Gentrification and Urban Justice in Retail Spaces*. L.: Routledge, 2018. P. 131–149.
- Stillerman J.* The Politics of Space and Culture in Santiago, Chile’s Street Markets // *Qualitative Sociology*. 2006. Vol. 29. No. 4. P. 507–530. doi: 10.1007/s11133-006-9041-x.
- Uitermark J., Nicholls W., Loopmans M.* Cities and Social Movements: Theorizing beyond the Right to the City // *Environment and Planning A*. 2012. Vol. 44. No. 11. P. 2546–2554. doi: 10.1068/a44301.
- Watson S.* The Magic of the Marketplace: Sociality in a Neglected Public Space // *Urban Studies*. 2009. Vol. 46. No. 8. P. 1577–1591. doi: 10.1177/0042098009105506.
- Zheltnina A.* *Engaging Neighbors: Housing Strategies and Political Mobilization in Moscow’s Renovation*: PhD thesis / City University of New York. N.Y., 2020. XIII+244 p.

The Preobrazhensky Market: A Mechanism for Preserving the Bazaar in Neoliberal Moscow

Olesya Merkulova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
omerkulova@eu.spb.ru

The classic dichotomy of urban studies is the confrontation between residents / local activists and authorities / capital in the struggle for urban areas. But under this approach many elements of production of space such as practices, representations, tools of participation in urban management, and stakeholders with other interests can be lost. The article attempts to overcome this dichotomy through analysis of the urban conflict around the Preobrazhensky Market (Moscow), which has been preserved in the conditions of the reconstruction and gentrification of marketplaces for the last ten years. The author draws on the Strategic Interactive Perspective (SIP), which considers conflict as a complex interaction of different players whose goals, strategies and moves need to be untangled. The article focuses on the specificity of the Preobrazhensky Market as a bazaar (relying on Clifford Geertz's concept). It is shown that the preservation of the market is ensured by a complex configuration of relations between the players with an interest in the marketplace — the authorities, the Old Believers (the market is located on the territory of a former Old Believer monastery), local and political activists, legal and illegal entrepreneurs, as well as the specificity of the bazaar influencing the strategies of all players.

Keywords: strategic interactive perspective, space production, gentrification, a bazaar, local activists.

References

- Akkar Z. M., 'Questioning the "Publicness" of Public Spaces in Postindustrial Cities', *Traditional Dwellings and Settlements Review*, 2005, vol. 16, no. 2, pp. 75–91.
- Anderson E., 'The Cosmopolitan Canopy', *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2004, vol. 595, no. 1, pp. 14–31. doi: 10.1177/0002716204266833.
- Andres L., Jones P., Denoon-Stevens S., Lorena M., 'Negotiating Polyvocal Strategies: Re-reading de Certeau through the Lens of Urban Planning in South Africa', *Urban Studies*, 2020, vol. 57, no. 12, pp. 2440–2455. doi: 10.1177/0042098019875423.
- Atkinson R., 'The Hidden Costs of Gentrification: Displacement in Central London', *Journal of Housing and the Built Environment*, 2000, vol. 15, no. 4, pp. 307–326. doi: 10.1023/A:1010128901782.

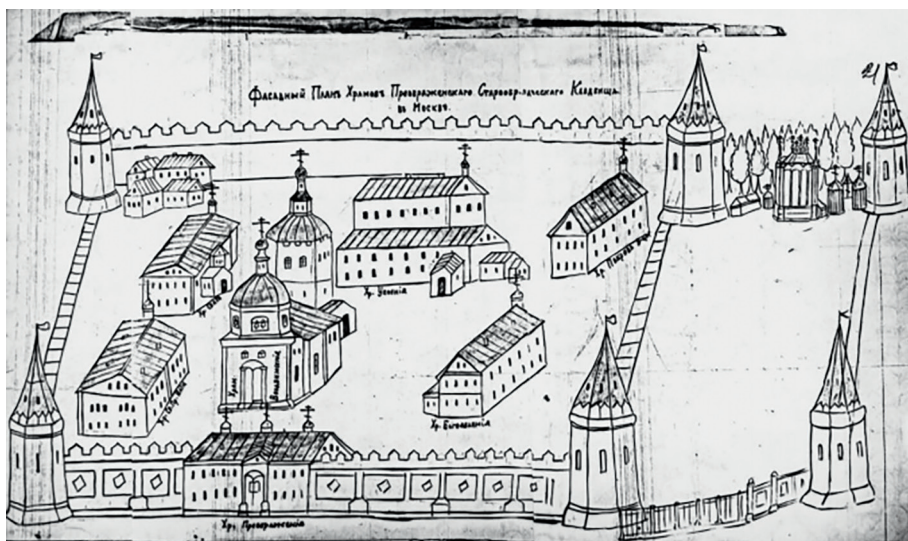
- Black R. E., *Porta Palazzo: The Anthropology of an Italian Market*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2012, X+221 pp.
- Bodnar J., 'Reclaiming Public Space', *Urban Studies*, 2015, vol. 52, no. 12, pp. 2090–2104. doi: 10.1177/00420980155836.
- Brenner N., Theodore N., 'Cities and the Geographies of "Actually Existing Neoliberalism"', *Antipode*, 2002, vol. 34, no. 3, pp. 349–379. doi: 10.1111/1467-8330.00246.
- Büdenbender M., Zupan D., 'The Evolution of Neoliberal Urbanism in Moscow, 1992–2015', *Antipode*, 2017, vol. 49, no. 2, pp. 294–313. doi: 10.1111/anti.12266.
- Castells M., *The City and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements*. Berkeley, CA: University of California Press, 1983, XXI+450 pp.
- Dalby S., Mackenzie F., 'Reconceptualising Local Community: Environment, Identity and Threat', *Area*, 1997, vol. 29, no. 2, pp. 99–108. doi: 10.1111/j.1475-4762.1997.tb00012.x
- de Certeau M., *The Practice of Everyday Life*. Berkeley, CA: University of California Press, 1984, XXIV+229 pp.
- De La Pradelle M., 'Market Exchange and the Social Construction of a Public Space', *French Cultural Studies*, 1995, vol. 6, no. 18, pp. 359–371. doi: 10.1177/095715589500601807.
- Degen M. M., *Sensing Cities: Regenerating Public Life in Barcelona and Manchester*. London: Routledge, 2008, XII+225 pp.
- Dyatlov V. I., "Kitayskiy" rynek "Shankhay" v Irkutsk: rol v zhizni gorodskogo soobshchestva' [The "Shanghai" "Chinese" Market in Irkutsk: Its Role in the Life of the Urban Community], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, vol. 10, pp. 103–119. (In Russian).
- Fanselow F. S., 'The Bazaar Economy, or How Bizarre Is the Bazaar Really?' *Man* (new series), 1990, vol. 25, no. 2, pp. 250–265. doi: 10.2307/2804563.
- Fehlings S., *Traders, Informal Trade and Markets between the Caucasus and China*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2022, XV+349 pp.
- Geertz C., 'The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing', *American Economic Review*, 1978, vol. 68, no. 2, pp. 28–32.
- González S., 'Contested Marketplaces: Retail Spaces at the Global Urban Margins', *Progress in Human Geography*, 2020, vol. 44, no. 5, pp. 877–897. doi: 10.1177/0309132519859444.
- González S., Dawson G., *Traditional Markets under Threat: Why It's Happening and What Traders and Customers Can Do: Report*, The University of Leeds. Leeds, 2015, 47 pp. <<https://eprints.whiterose.ac.uk/102291/>>.
- Grigoriev K. V., Dyatlov V. I., Timoshkin D. O., Bryazgina D. E., *Bazar i gorod: lyudi, prostranstva, obrazy* [Bazaar and City: People, Spaces, Images]. Irkutsk: Ottisk, 2019, 288 pp. (In Russian).
- Harvey D., 'The Right to the City', Scholar R. (ed.), *Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003*. Oxford: Oxford University Press, 2006, pp. 83–103.
- Hiebert D., Rath J., Vertovec S., 'Urban Markets and Diversity: Towards a Research Agenda', *Ethnic and Racial Studies*, 2015, vol. 38, no. 1, pp. 5–21. doi: 10.1080/01419870.2014.953969.

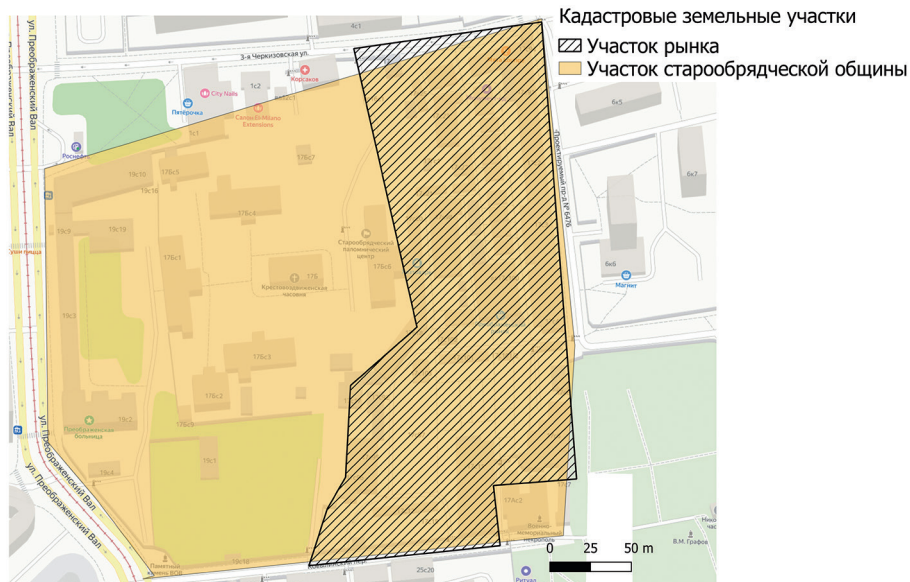
- Humphrey C., Skvirskaja V., 'The End of the Bazaar? Morphology of a Post-Soviet Marketplace', *History and Anthropology*, 2024, vol. 35, no. 1, pp. 152–169. doi: 10.1080/02757206.2021.1987233.
- Hüwelmeier G., 'Post-Socialist Bazaars: Diversity, Solidarity and Conflict in the Marketplace', *Laboratorium*, 2013, vol. 5, no. 1, pp. 52–72.
- Jabola-Carolus I., Elliott-Negri L., Jasper J. M., Mahlbacher J., Weisskircher M., Zhelnina A., 'Strategic Interaction Sequences: The Institutionalization of Participatory Budgeting in New York City', *Social Movement Studies*, 2020, vol. 19, no. 5–6, pp. 640–656. doi: 10.1080/14742837.2018.1505488.
- Jasper J. M., 'Emotions and Social Movements: Twenty Years of Theory and Research', *Annual Review of Sociology*, 2011, vol. 37, pp. 285–303. doi: 10.1146/annurev-soc-081309-150015.
- Jasper J. M., Duyvendak J. W. (eds.), *Players and Arenas: The Interactive Dynamics of Protest*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015, 327 pp.
- Kalyukin A., Borén T., Byerley A., 'The Second Generation of Post-Socialist Change: Gorky Park and Public Space in Moscow', *Urban Geography*, 2015, vol. 36, no. 5, pp. 674–695. doi: 10.1080/02723638.2015.1020658.
- Karrar H. H., 'Between Border and Bazaar: Central Asia's Informal Economy', *Journal of Contemporary Asia*, 2019, vol. 49, no. 2, pp. 272–293. doi: 10.1080/00472336.2018.1532017.
- Karrar H. H., Rudaz P., 'A Cautionary Tale: Bazaar Trade and Limitations to Growth in Georgia, Kazakhstan and Kyrgyzstan', *Global Networks*, 2022, vol. 22, no. 3, pp. 530–546. doi: 10.1111/glob.12367.
- Kazantsev B., 'Prodovolstvennyy rynek v zhizni gorozhan' [The Food Market in the Life of Townspeople], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1994, no. 4, pp. 3–11. (In Russian).
- Kleman K., Miryasova O., Demidov A., *Ot obyvateley k aktivistam: zarozhdayushchiesya sotsialnye dvizheniya v sovremennoy Rossii* [From Passive Dwellers to Activists: Emerging Social Movements in Contemporary Russia]. Moscow: Tri kvadrata, 2010, 678 pp. (In Russian).
- Klink J., 'Development Regimes, Scales and State Spatial Restructuring: Change and Continuity in the Production of Urban Space in Metropolitan Rio de Janeiro, Brazil', *International Journal of Urban and Regional Research*, 2013, vol. 37, no. 14, pp. 1168–1187. doi: 10.1111/j.1468-2427.2012.01201.x.
- Köllner T., 'On the Restitution of Property and the Making of "Authentic" Landscapes in Contemporary Russia', *Europe-Asia Studies*, 2018, vol. 70, no. 7, pp. 1083–1102. doi: 10.1080/09668136.2018.1484077.
- Low S., *Spatializing Culture: The Ethnography of Space and Place*. London; New York: Routledge, 2016, XII+263 pp.
- Mele C., 'The Materiality of Urban Discourse: Rational Planning in the Restructuring of the Early Twentieth-Century Ghetto', *Urban Affairs Review*, 2000, vol. 35, no. 5, pp. 628–648. doi: 10.1177/10780870022184570.
- Mele C., Ng M., Chim M. B., 'Urban Markets as a "Corrective" to Advanced Urbanism: The Social Space of Wet Markets in Contemporary Singapore', *Urban Studies*, 2015, vol. 52, no. 1, pp. 103–120. doi: 10.1177/0042098014524613.

- Nicholls W., 'Place, Networks, Space: Theorising the Geographies of Social Movements', *Transactions of the Institute of British Geographers*, 2009, vol. 34, no. 1, pp. 78–93. doi: 10.1111/j.1475-5661.2009.00331.x.
- Öz Ö., Eder M., 'Rendering Istanbul's Periodic Bazaars Invisible: Reflections on Urban Transformation and Contested Space', *International Journal of Urban and Regional Research*, 2012, vol. 36, no. 2, pp. 297–314. doi: 10.1111/j.1468-2427.2011.01076.x.
- Pickvance C., 'From Urban Social Movements to Urban Movements: A Review and Introduction to a Symposium on Urban Movements', *International Journal of Urban and Regional Research*, 2003, vol. 27, no. 1, pp. 102–109. doi: 10.1111/1468-2427.00434.
- Polletta F., Jasper J. M., 'Collective Identity and Social Movements', *Annual Review of Sociology*, 2001, vol. 27, pp. 283–305. doi: 10.1146/annurev.soc.27.1.283.
- Rivlin P., González S., 'Public Markets: Spaces for Sociability under Threat? The Case of Leeds' Kirkgate Market', González S. (ed.), *Contested Markets, Contested Cities: Gentrification and Urban Justice in Retail Spaces*. London: Routledge, 2018, pp. 131–149.
- Sahlins M., *Stone Age Economics*. Chicago, IL: Aldine-Atherton, 1972, XIV+348 pp.
- Shevtsova I., Bederson V., "'U vlasti tochka zreniya — molchanie": vzaimodeystvie initsiativnykh grupp i organov mestnoy vlasti v politike gorodskogo planirovaniya' ["Authorities' Point of View Is to Keep a Silence": Interaction of Initiative Groups and Local Authorities in the Urban Planning Policy], *Politicheskaya nauka*, 2017, no. 4, pp. 111–136. (In Russian).
- Stillerman J., 'The Politics of Space and Culture in Santiago, Chile's Street Markets', *Qualitative Sociology*, 2006, vol. 29, no. 4, pp. 507–530. doi: 10.1007/s11133-006-9041-x.
- Uitermark J., Nicholls W., Loopmans M., 'Cities and Social Movements: Theorizing beyond the Right to the City', *Environment and Planning A*, 2012, vol. 44, no. 11, pp. 2546–2554. doi: 10.1068/a44301.
- Watson S., 'The Magic of the Marketplace: Sociality in a Neglected Public Space', *Urban Studies*, 2009, vol. 46, no. 8, pp. 1577–1591. doi: 10.1177/0042098009105506.
- Zheltnina A., "'Zdes kak muzey": torgovyy tsentr kak obshchestvennoe prostranstvo' ["It's Like a Museum Here": The Shopping Mall as Public Space], *Laboratorium*, 2011, vol. 3, no. 2, pp. 48–69. (In Russian).
- Zheltnina A., Tykanova E., 'Formalnye i neformalnye grazhdanskije infrastruktury: sovremennye issledovaniya gorodskogo lokalnogo aktivizma v Rossii' [Formal and Informal Civic Infrastructure: Contemporary Studies of Urban Local Activism in Russia], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2019, vol. 22, no. 1, pp. 162–192. (In Russian).
- Zheltnina A., *Engaging Neighbors: Housing Strategies and Political Mobilization in Moscow's Renovation*: PhD thesis, City University of New York. New York, 2020, XIII+244 pp.
- Zhuravlev O., Erpyleva S., Savelyeva N., 'Individualizm i solidarnost v novykh rossiyskikh grazhdanskikh dvizheniyakh' [Individualism and Solidarity in the New Russian Civil Movements], *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*, 2014, vol. 12, no. 2, pp. 185–200. (In Russian).

Иллюстрации к статье Олеси Меркуловой

Ил. 1. Старообрядческий монастырь, на территории которого сейчас расположен рынок [Козлов 2019: 19]

Ил. 2. Карта наложения земельных участков; составлена автором по данным Росреестра